

*Past Human Migrations in East Asia:
Matching archaeology, linguistics and genetics.*
Alicia Sanchez-Mazas, Roger Blench, Malcolm D. Ross, Ilija Peiros and Marie Lin (eds.).
Routledge, London and New York, 2008, XXXII + 426 pp.

Рецензируемая книга включает, помимо введения и некрологов безвременно ушедших от нас С.А. Старостина и Сатоси Хораи, 20 статей, которые издатели предпочитают называть главами. Она является продолжением сборника «The Peopling of East Asia: Putting together Archaeology, Linguistics and Genetics» (ed. by Laurent Sagart, Roger Blench and Alicia Sanchez-Mazas), вышедшего из печати тремя годами ранее.

В обширном введении, написанном Роджером Бленчем, Малколмом Россом и Алисией Санчес-Масас (Roger Blench, Malcolm Ross, and Alicia Sanchez-Mazas) и озаглавленном «Methodological issues: linking genetic, linguistic and archaeological evidence», обсуждается проблематика установления связей между лингвистикой, археологией и генетикой человека. Авторы подчеркивают, что надежды на создание для исследования первобытной истории супернауки, сочетающей в себе археологию, сравнительно-историческое языкознание и генетику, иллюзорны. Методы и данные каждой из названных дисциплин различны, и они, что особенно важно, предоставляют независимые аргументы в пользу тех или иных гипотез. С этим можно согласиться, но с некоторыми поправками. Непосредственно соединить генетику с лингвистикой и впрямь едва ли возможно, но вот проводить уже в процессе реконструкции праязыкового этимона лингво-историко-этнологическое исследование можно и нужно. Это позволило бы не механически сопоставлять данные различных областей знания, но извлекать из их комплексного рассмотрения новую информацию, частично преодолевая ограниченность каждого из видов источников. Собственно, на эту мысль наводит и упрек авторам «Алтайского этимологического словаря» (EDAL), реконструирующим для праалтайского названия ряда культурных растений, тогда как земледелие на территории предполагаемой алтайской прародины по археологическим данным возникает значительно позже распада праязыка. Дело здесь не в том, что авторам словаря было лень копаться в археологической литературе, как полагают Бленч,

Росс и Санчес-Масас (стр. 9), — чтобы установить предполагаемое время зарождения земледелия в том или ином регионе, больших усилий не требуется, — а в том, что в процессе реконструкции, видимо, следовало бы учесть данные смежных дисциплин и, возможно, несколько скорректировать праязыковую семантику.

Ту же проблему синтеза данных лингвистики, генетики и археологии применительно к территории Китая (с Тибетом) рассматривает и Бленч в статье «Stratification in the peopling of China: How far does the linguistic evidence match genetics and archaeology?» (стр. 105–132) (собственно, вводная часть статьи/главы дословно воспроизводит некоторые написанные им пассажи введения — ср. первые абзацы на стр. 3 и 105). Вначале он рисует современную лингвистическую картину в означенном ареале. Крупнейшей по числу говорящих здесь является сино-тибетская семья, языки которой распространены также в Бирме, Непале и северо-восточных районах Индии. Хотя она достаточно четко отличается от других, установить ее внутреннее членение крайне сложно. Голландский лингвист Ж. ван Дрим (George van Driem) даже отказывается от модели генеалогического древа сино-тибетских (в его терминологии тибето-бирманских) языков, приводя вместо этого сугубо географическую модель «оппадающих листьев», где языки, по общему мнению принадлежащие к одной подгруппе, расположены рядом, но никаких предположений относительно дальнейшей классификации этих подгрупп не высказывается. По мнению Ван Дрима, такая модель адекватно отражает нынешнее состояние наших знаний.

В центральной и юго-западной части Китая (а также частично за его пределами, на Индокитайском полуострове) распространена семья хмонгиен, или мяо-яо. Бленч полагает, что семья эта распалась достаточно давно, а современная относительная близость ее языков вторична, поскольку они являются результатом распада лишь одного из ответвлений древней семьи, тогда как прочие ответвления вымерли.

Недалеко от южных границ Китая распространены таи-кадайские и австроазиатские языки, на севере и на западе — алтайские и индоевропейские (сарыкольский и ваханский).

Как отмечает Бленч, сопоставить с лингвистическими общностями археологические культуры сложно, тем более что территория Китая археологически изучена неравномерно. Генетические же различия обусловлены скорее географическими, чем лингвистическими факторами, что неудивительно ввиду тесных контактов между носителями различных языков.

В нескольких статьях рассматриваются вопросы раннего земледелия Восточной Азии, где в настоящее время разводят всего такие злаки, как рис (*Oryza sativa*) и два довольно близких вида зерновых, хотя и относящихся к разным родам: просо (*Panicum miliaceum*) и чумиза (*Setaria italica*).

Дориан Фуллер, Лин Цинь и Эмма Харви (Dorian Q. Fuller, Ling Qin, and Emma Harvey) в статье «Evidence for a late onset of agriculture in the Lower Yangtze region and challenges for an archaeobotany of rice» подчеркивают, что следует проводить различие между культивацией, то есть человеческой деятельностью, и domestikацией, то есть морфологическим изменением растений. Домestikации должна была предшествовать стадия преддомestikационной культивации. Еще до начала domestikации люди могли в больших количествах собирать плоды дикорастущих растений, о которых они могли при этом определенным образом заботиться (например, удаляя сорняки и т.п.).

В последнее время под земледелием (agriculture) обычно имеют в виду именно культивацию domestikированных растений. Определить археологически начало земледелия в этом понимании нелегко. В статье domestikация и начало земледелия рассматриваются применительно к рису.

В 80-х гг. прошлого века начало возделывания риса в Восточной Азии связывали с археологической культурой хэмуду, распространенной южнее устья Янцзы на территории современной провинции Чжэцзян в VI—V тыс. до н.э. При раскопках хэмудских поселений были обнаружены остатки риса, в основном мякина с некоторым количеством зерен. Рис сочли культурным и отнесли к подвиду (точнее, группе сортов) *Oryza sativa indica* (более поздние памятники на территории Китая содержат в основном остатки другого подвида, *Oryza sativa japonica*). В 90-х годах рисовые зерна были обнаружены при раскопках культуры пэнтоушань в среднем течении Янцзы (провинция Хунань) в слоях, датированных радиоуглеродным методом време-

нем около 6500—6000 лет до н.э. Это время и стали считать началом domestikации риса в Восточной Азии. Однако, по мнению авторов статьи, ни в культуре пэнтоушань, ни в культуре хэмуду domestikированных злаков не было. В ареале культуры хэмуду действительно собирали и каким-то примитивным способом молотили метелки дикорастущего риса (*Oryza rufipogon*) и делали попытки его выращивать, но до domestikации (и развития риса *Oryza sativa japonica* из дикорастущего вида) дело дошло намного позже. Рис и чумиза в среднем течении Янцзы были domestikированы в культуре даси в середине V тыс. до н.э. У domestikированных злаков зерна созревают более или менее одновременно на всем растении, и убирать такие злаки можно вполне созревшими. У недомestikированных зерна созревают неравномерно, часть уже созревает и осыпается, а часть остается недозревшей, и, чтобы уменьшить потери, урожай приходится собирать, когда большая часть зерен еще не поспела. При этом в последние дни созревания зерна вытягиваются и затем утолщаются. Это значит, что у недозревших зерен отношение длины к ширине выше. По мнению авторов статьи, тот факт, что древний рис с территории Китая не соответствует ни пропорциям дикого местного риса, ни пропорциям риса *O.S. japonica*, приближаясь в этом отношении к рису *O.S. indica* (которому, однако, не соответствует по размеру зерен, даже при поправке на обугливание), объясняется именно тем, что зерна собирали недозрелыми.

Лоран Сагар (Laurent Sagart) в статье «The expansion of *Setaria* farmers in East Asia: a linguistic and archaeological model», напротив, не проводит различия между культивацией и domestikацией. Под domestikацией он явно имеет в виду включение еще дикорастущих видов в культуру. Согласно ему, выращивание культурного риса началось около 7000—6500 лет до н.э. в средней части бассейна Янцзы, а немногим позже, около 6500 лет до н.э., в долине Хуанхэ появилась культурная чумиза.

По мнению Сагара, чумиза была введена в культуру земледельцами на средней Янцзы вскоре после того, как они начали выращивать рис. Из этой области часть их мигрировала в долину среднего течения Хуанхэ, где имеются археологические находки риса и чумизы. Однако, поскольку климат на Хуанхэ холоднее и суше, чем на Янцзы, чумиза родилась лучше, чем рис, поэтому постепенно рис был ею вытеснен.

Из области среднего течения Хуанхэ возделыватели чумизы распространились на восток и двинулись по побережью к устью Янцзы, где вступили в

контакт с носителями культуры хэмуду и несколько более поздней культуры мацзябан. Далее они двинулись на побережье современной провинции Фуцзянь, откуда часть их переправилась на Тайвань и положила начало австронезийцам. Языки же оставшихся на континенте вымерли, вероятно, в начале нашей эры, и о них практически ничего не известно.

Сагар детально рассматривает диверсификацию австронезийских языков на Тайване, обращая, в частности, внимание на развитие числительных 5 — 10. По его мнению, у австронезийцев, перебравшихся на Тайвань, существовали самостоятельные числительные только от единицы до пяти (причем для числа 5 имелось отдельное слово, не связанное с существительным «рука», которое в большинстве современных языков вытеснило исконное числительное — ср., например, бугийское *lima* «рука» и «пять»). Числительные от 6 до 10 появились уже на Тайване и были образованы аддитивным, субтрактивным или мультипликативным способом. Они передаются в разных языках северо-западной части Тайваня сочетаниями 5+1, 5+2, 2×4 и т.п. Эта теория изложена как в рецензируемой книге (стр. 146—150), так и, более детально, в статье [Sagart 2004]. Она, однако, вызывает ряд вопросов.

Помимо того, что в таблице числительных от 5 до 10 встречаются некоторые неточности (например, атаяльское обозначение числа «10», *lpuu*, восходит к австронезийскому **puluq*, а в таблице это не отмечено), если принять теорию Сагара, придется считать, что после возникновения обозначений числительных от 6 до 10, т.е. по крайней мере к прамалайско-полинезийскому времени, эти числительные перестали быть составными и передаваться вышеупомянутыми способами. На самом деле числа от 6 до 9 передаются аддитивным способом, например, во многих языках Меланезии. Правда, в значении «десять» там чаще применяется слово, восходящее к праавстронезийскому **puluq*, однако в ряде языков, в частности, в южной части Вануату, рефлекс **puluq* нет, зато применяется мультипликативный способ образования данного числительного: например, на языке нгуна (о-в Эфате) «10» — *ruelima* (из *rua* «два» и *lima* «пять»). Аддитивный способ используется в филиппинском языке илонгот (илонготское слово «десять» нам не известно). В малайском языке числительные 8 и 9 образованы субтрактивным способом.

Сагар считает австронезийскую и сино-тибетскую языковые семьи генетически родственными, образующими макросемью. Основная масса данных в поддержку этой гипотезы была им приведе-

на в сборнике «The peopling of East Asia». Из сино-тибетских языков Сагар отмечает в основном древнекитайские корни, реже приводит материал других сино-тибетских языков. Сопоставлять австронезийские корни, в основном двусложные, а иногда и более длинные, с односложными сино-тибетскими нелегко. Сагар, между прочим, разделяет древнекитайские корни на два типа, но не приводит их характеристики, даже предположительной. Совершенно неясной остается постулируемая им связь этих типов корней с предпоследним слогом австронезийского корня. Сагар указывает на некоторые точки соприкосновения в морфологии австронезийских и сино-тибетских языков, например, инфиксы, но поскольку сино-тибетский корень односложный, общее происхождение сино-тибетских инфиксов и инфиксов австронезийских, вставляемых в предпоследний слог, вызывает сомнения.

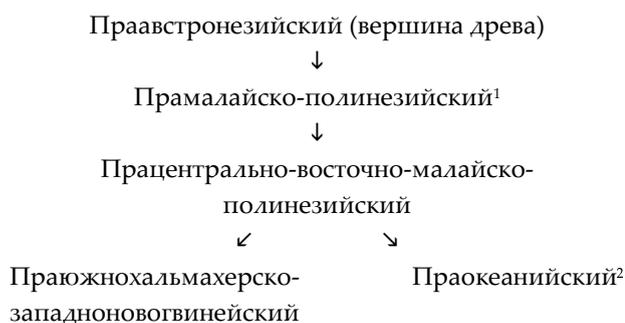
Но если генетическое родство австронезийских языков с сино-тибетскими не может считаться доказанным, представляет интерес отношение аборигенов Тайваня (всех этнических групп, по которым имеются соответствующие данные) к чумизе и рису: в то время как посев и сбор чумизы сопровождаются ритуалами, в отношении риса никаких ритуалов не проводится. Похоже, что чумиза у них более древнее культурное растение, чем рис. Такое положение могло возникнуть, если предки австронезийцев пришли на Тайвань и на материковое побережье к берегам Тайваньского пролива с севера материкового Китая.

Сомнительна идея Сагара о происхождении таи-кадайской семьи языков. Он считает, что эта группа входит в состав австронезийской семьи и восходит к австронезийцам, проделавшим морское путешествие с Тайваня на юго-западный берег Китая, недалеко от Вьетнама. Более вероятно, что какая-то часть австронезийских языков была распространена на побережье материкового Китая и довольно сильно выраженные австронезийские черты таи-кадайских языков вызваны контактами с ними. Другая возможность: австронезийские и таи-кадайские языки находятся в отдаленном генетическом родстве. Возможно и ареальное влияние: таи-кадайские языки попали в ареал, где все языки, хотя генетически и неродственные, являются слоговыми и тональными (в тайском языке буянг, правда, сохранились двусложные корневые слова, но тоны развиты и там).

Австронезийские языки уже давно объединяли с австроазиатскими в общую австрическую макросемью. В настоящее время теория австрического

единства разрабатывается, в частности, Л. Ридом (L. Reid). Учитывая теорию Сагара о связи австронезийских языков с сино-тибетскими, он в книге «The Peopling...» допускает более широкое гипотетическое единство, объединяющее австроазиатские, австронезийские и сино-тибетские языки. Любопытно, что С.А. Старостин также считал возможным говорить об отдаленной генетической связи сино-кавказской и австрической макросемей. В рецензируемой книге не говорится об австрической макросемье, а об австроазиатских языках коротко упомянуто только в рассмотренной статье Бленча. Он отмечает, что из всех языковых семей, представленных на территории Китая, австроазиатская изучена наиболее слабо.

Статья Малколма Росса (Malcolm Ross) «The integrity of the Austronesian language family: from Taiwan to Oceania» предлагает детальный обзор проблемы внутренней классификации австронезийских языков, а также методологический раздел «Как лингвист приходит к родословному дереву», предназначенный в основном для неспециалистов. В статье Росса, как в большей части современных схем внутренней классификации австронезийских языков, за основу взято родословное дерево, впервые опубликованное Р. Бластом в 1977 году и значительно переработанное как им самим (особенно в работе Blust 1999), так и Россом. Модифицированное австронезийское генеалогическое дерево, в этой схеме включающее только реконструируемые праязыки, выглядит так:

¹ К прамалайско-полинезийскому может восходить неопределенное число групп западноавстронезийских языков.

² В схеме Блуста за працентрально-восточно-малайско-полинезийским следует еще один праязык — правосточно-малайско-полинезийский. Согласно Блусту, праюжнохальмахерско-западноновогвинейский и праокеанийский являются потомками правосточно-малайско-полинезийского. Однако Росс считает существование последнего праязыка мало достоверным, поэтому в нашей схеме праюжнохальмахерско-

По поводу внутренней классификации формозских языков высказывались разные мнения. Росс (схема на стр. 170) выделяет 9 групп формозских языков, но сам отмечает (стр. 175), что если Тайвань действительно был прародиной австронезийских языков, то связи между его языками трудно определить ввиду их долговременного взаимодействия. Надо добавить, что схема классификации языков Тайваня, предложенная Бластом (1999), почти полностью основана на звуковых соответствиях и только в отдельных случаях привлекает лексические корни. Но достаточно ли для выделения языковых групп одних звуковых соответствий? Ведь число фонем в языках ограничено несколькими десятками, в то время как число лексических элементов огромно.

Илья Пейрос (Ilia Peiros) в статье «The Formosan language family» на материале лексикостатистики классифицирует формозские языки в качестве одной группы, противопоставляемой неформозским (Non-Formosan) как другой группе, охватывающей все существующие австронезийские языки вне острова Тайвань. Правда, и Пейрос не затрагивает лексического состава вне стословного списка Сводеша («Сводешевы» слова формозских языков даны в виде приложения к статье).

Пейрос отмечает, что им не найдено ни одного обстоятельства, противоречащего тому, что формозские языки составляют единую группу австронезийских языков, в чем с ним следует согласиться. Сомнения возникают в связи с утверждением (с. 193), что миграция группы австронезийцев, говоривших на праформозском, на Тайвань, имевшая место около 4500 лет назад, не имела ничего общего с движениями из материковой Восточной Азии в остальные области австронезийского мира. До сих пор обычно считали, что австронезийцы отправились на Филиппины, а оттуда в Индонезию, Океанию и т.д. именно с Тайваня, отмечая при этом, что археологически Малайский архипелаг и другие области расселения австронезийцев имеют больше общего с восточной, чем с западной частью Тайваня. С другой стороны, в пользу гипотезы

западноновогвинейский и праокеанийский соединены прерывистой линией с працентрально-восточно-малайско-полинезийским. Надо добавить, что и инновации, определяющие последний, Росс считает менее доказательными, чем те, которые определяют четыре остальных праязыка приводимой схемы. Таким образом, не исключено, что праюжнохальмахерско-западноновогвинейский и праокеанийский восходят непосредственно к прамалайско-полинезийскому.

Пейроса вроде бы свидетельствует «аргумент панголина». Дело в том, что рефлекс ПАН **qaRət* «панголин» есть в языках Тайваня и Малайского архипелага, тогда как на большей части Филиппин (за исключением севера Лусона) панголин не водится, и если бы носители малайско-полинезийских языков перед заселением Малайского архипелага достаточно долго жили на Филиппинах, они должны были бы утратить соответствующее слово.

Классификация тайваньских языков рассматривается и в статье Пола Ли Жэньгуя (Paul Jen-kuei Li) «Time perspective of Formosan Aborigines». Он считает, что вначале от общепормозского отделился предок языка рукаи, затем — предок цоуских языков, после чего предок прочих формозских языков распался на северную, южную и восточную группы.

Богатый археологический материал, вроде бы свидетельствующий о расселении австронезийцев с Тайваня, содержится в статье Питера Беллвуда и Эусебио Дисона (Peter Bellwood and Eusebio Dizon) «Austronesian cultural origins: out of Taiwan, via the Batanes Islands, and onwards to Western Polynesia». Авторы исследуют археологические свидетельства расселения носителей неолитических культур с Тайваня на Северные Филиппины. Авторы считают, что распространение в конце III — II тыс. до н.э. красной поливной керамики (почти полностью сменившей на Тайване керамику с веревочным и резным орнаментом) и соответствующей материальной культуры в ряде районов Тайваня, на Филиппинах, в Сабахе (Борнео), Восточной Индонезии, островной Меланезии (культура Лапита) и Западной Полинезии (Тонга, Самоа) отражает миграции носителей малайско-полинезийских языков.

В связи с проблемой относительной скорости изменения языков представляет интерес статья Франсуа Жаксона (François Jaquesson) «The speed of language change, typology and history: languages, speakers and demography in North-East India» (стр. 287—309), в основном построенная на материале сино-тибетских языков Северо-Восточной Индии. Автор сравнивает две большие группы сино-тибетских языков/диалектов: диалекты тани в штате Аруначал-Прадеш и языки нага в штате Нагаленд и северной части штата Манипур, а также в приграничных районах Бирмы. Племена тани обитают главным образом в редко населенной области, почти лишенной крупных центров. Они разбросаны в виде мелких групп, но не изолированы. Никто не пытался утвердить тот или иной диалект в качестве общего языка на сколько-нибудь значи-

тельной территории, поэтому диалекты тани остались взаимопонимаемыми. Нага же обитают небольшими племенами (занимающими, как правило, одну деревню) в маленьких долинах. Их деревни до покорения англичанами были расположены на вершинах гор или холмов и сильно укреплены. По сравнению с тани, *Volksggeist* нага несколько иной: они не любят чужаков и до XIX века племена часто воевали между собой, а многие предпринимали грабительские походы на подконтрольную англичанам территорию. Эта «искусственная изоляция» способствовала тому, что языки нага сильно разошлись, в том числе и в базовой лексике. Соответственно Жаксон выводит общее правило: языки народов, разбросанных на обширных редко заселенных территориях, меняются медленнее, а языки густонаселенных районов быстрее.

Алтайским языкам в рецензируемом сборнике отведено сравнительно мало места. В упомянутой статье Бленча имеется соответствующий раздел (стр. 112—116), в котором дается краткий обзор этнолингвистики алтайских народов. Бленч проводит различие между макроалтайской и алтайской макросемьями. Последняя включает тунгусские, монгольские и тюркские языки, а в макроалтайскую включены также корейский и японский.

В статье Роя Эндрю Миллера (Roy Andrew Miller) «Comparing Japanese and Korean» рассматриваются проблемы генетической принадлежности японского и корейского. Он отдает должное недавно вышедшему трехтомному этимологическому словарю алтайских языков С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, в котором содержится детальный анализ лингвистических данных, свидетельствующих о том, что корейский и японский входят в алтайское лингвистическое единство. Вместе с тем Миллер дает краткий обзор более ранних попыток связать эти языки с алтайскими. Алтайские корни корейского отмечались не раз и были довольно убедительно обоснованы Г. Рамстедтом (Ramstedt 1950). С японским положение было более сложным, и выход алтайского словаря значительно усилил позиции сторонников включения японского в алтайскую макросемью.

В публикуемой посмертно статье С.А. Старостина «Altaic loans in Old Chinese», введение к которой написано Ильей Пейросом, приводится более 50 древнекитайских слов, которые есть основания считать заимствованиями из алтайских языков, поскольку они не имеют сино-тибетской этимологии. В алтайском соответствующие слова лучше представлены в восточном ареале, т.е. в корейском, японском и тунгусо-маньчжурском.

Цзин Юань, Хань Цзяньлинь и Роджер Бленч (Jing Yuan, Han Jian-lin, and Roger Blench) в статье «Livestock in ancient China: an archaeological perspective» напоминают, что в древнем Китае существовало представление о пяти сельскохозяйственных культурах и шести видах домашней живности. К последней относились лошади, коровы, мелкий рогатый скот, свиньи, собаки и куры. Определить, принадлежат ли ископаемые кости животных domesticiрованным видам, можно следующими способами: 1) если половозрастная структура стада, определяемая морфологическим анализом и промерами костных остатков, отличается от ожидаемой у диких животных, речь может идти о прирученных и/или домашних особях; 2) внезапное появление ранее не известного в данном ареале вида обычно является результатом культурного влияния; 3) захоронение животных в человеческих погребениях подразумевает, что они были одомашнены (этот тезис представляется сомнительным — известны, например, захоронения в могилах змей); 4) анализ рациона, устанавливаемого на основании содержания в костях стабильных изотопов C^{13} и N^{15} , позволяет отделить диких животных от домашних, а анализ митохондриальной ДНК, извлеченной из костей, дает представление о происхождении одомашненных видов. Авторы приходят к выводу, что первым одомашненным животным на территории Китая была, видимо, собака. Костные остатки собак найдены на поселении Наньчжуантоу в провинции Хэбэй в слоях, датированных серединой IX — началом VIII тыс. до н.э., причем промеры расположения зубов на нижней челюсти свидетельствуют о существенных изменениях по сравнению с их диким предком, волком. Второй была одомашнена свинья. Свиные челюсти с зубами, демонстрирующими недоразвитие эмали, характерное для домашних особей, обнаружены в Куахуцяо в провинции Чжэцзянь в слоях конца VII — VI тыс. до н.э. Коровьи костяки распланы в Шаньтайсы (провинция Хэнань) в слоях второй половины III тыс. до н.э. Примерно к тому же времени относятся и первые находки мелкого рогатого скота. Кости лошади впервые встречаются в Аньяне (провинция Хэнань) в слоях конца II тыс. до н.э. Примерно к тому же времени можно отнести и начало куроводства. Авторы выделяют две модели доместикизации животных в древнем Китае: 1) постепенное одомашнивание посредством долгого взаимодействия с дикими предками домашних животных — именно так была доместцирована свинья; 2) позднее внедрение одомашненных животных из другого региона благодаря

обмену и культурному взаимодействию — так в среднее течение и низовья Янцзы попала лошадь.

К этой работе примыкает статья Ци Сюэбиня, Хань Цзяньлиня, Роджера Бленча, Эдварда Пере и Оливье Анотта (Xue-bin Qi, Han Jianlin, Roger Blench, J. Edward Rege and Olivier Hanotte) «Understanding yak pastoralism in central Asian Highlands: mitochondrial DNA evidence for origin, domestication and dispersal of domestic yak». Авторы собрали образцы митохондриальной ДНК 428 яков из 29 популяций, разводимых в Китае, Бутане, Непале, Индии, Пакистане, Кыргызстане, Монголии и России. Было выделено три популяции яков, восходящих к разным предкам по материнской линии, однако, по мнению исследователей, все они восходят к единой популяции, одомашненной приблизительно на рубеже IV — III тыс. до н.э. где-то в восточных районах Цинхай-Тибетского нагорья.

Генетический материал исследуется и в ряде других статей. Алисия Санчес-Масас, Людмила Осипова, Жан-Мишель Дюгужон, Лоран Сагар и Эстелла Полони (Alicia Sanchez-Mazas, Ludmilla³ Osipova, Jean-Michel Dugoujon, Laurent sagart, and Estella S. Poloni) в работе «The GM genetic polymorphism in Taiwan aborigines: New data revealing remarkable differentiation patterns» исследовали образцы крови представителей восьми тайваньских австронезийских этносов и сравнили их с образцами, собранными среди других народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Полученные результаты свидетельствуют, что аборигены Тайваня в среднем равно удалены генетически от хмонгиен/мяо-яо, таи-кадай, южных китайцев и австроазиатов. Все население Юго-Восточной Азии, включая тайваньских и большинство внетайваньских австронезийцев, оказывается ближе к китайцам из Южного Гуандуна, тогда как тайваньские китайцы (миньнань) ближе к фуцзяньцам и китайцам Цзянси, Хунани и даже Сычуани.

В статье Эрики Хагелберг, Меррея Кокса, Вульфа Шифенхёфеля и Иена Фрейма (Erika Hagelberg, Murray Cox, Wulf Schieffenhövel, and Ian Frame) «A genetic perspective on the origins and dispersal of the Austronesians: Mitochondrial DNA variation from Madagascar to Easter Island» рассматривается распределение гаплотипов митохондриальной ДНК среди австронезийских народов. Авторы приходят

³ Так в оригинале, причем в другой статье с участием того же автора имя написано правильно. Редакторы вообще не потрудились свести написание имен воедино: так, имя Хань Цзяньлинь передано в одной статье как Han Jian-lin, а в другой как Han Jianlin.

к выводу, что это распределение свидетельствует о распространении населения из Восточной Азии на Тайвань и Малайский архипелаг с последующим тесным взаимодействием, тогда как Новая Гвинея оказывается сравнительно изолированной. Любопытно, что около 20 процентов малагасийцев несут в себе тип митохондриальной ДНК, характерный для полинезийцев и, видимо, берущий начало на Тайване, но отсутствующий на Борнео, откуда происходили предки малагасийцев.

Стивен Лансинг, Татьяна Карафет, Джон Шонфельдер и Майкл Хаммер (J. Stephen Lansing, Tatiana M. Karafet, John Schoenfelder, and Michael F. Hammer) в статье «A DNA signature for the expansion of irrigation in Bali?» исследовали генетические маркеры 505 мужчин-балийцев в связи с исследованием происхождения субаков — объединений крестьян, пользовавшихся водой из общего источника. Высокий уровень генетического дрейфа в субаках, так же как локальная привязанность патрилиниджей и, в меньшей степени, матрилиниджей показывают, что ирригационные системы создавались «снизу» и не были, вопреки распространенному представлению, результатом деятельности цен-

тральной власти (в последнем случае структура населения была бы более размытой, а отпочкование новых поселений от старых и генетический дрейф были бы менее выраженными).

Подводя итоги, отметим, что статьи сборника весьма неравноценны и часто противоречат друг другу. Есть в них и прямые ошибки: так, достойно сожаления, что авторы издания, где помещен некролог С.А. Старостина, не учитывают, за исключением И. Пейросса, фундаментальных поправок, внесенных покойным в глоттохронологическую методiku М. Сводеша. В книге неоднократно (стр. 4, 9, 237) утверждается, что глоттохронология основана на сомнительном постулате о постоянной скорости изменения слов т.н. основного списка, тогда как Старостин убедительно показал, что распад основного списка ускоряется по мере «старения» слов и, напротив, замедляется по мере выпадения из списка менее устойчивых слов. Тем не менее, рецензируемая книга представляет интерес тем, что вводит в научный оборот большое количество новых материалов, относящихся к дописьменной истории одного из древних культурных очагов, Восточной Азии, и по-новому их интерпретирует.

References

- Blust 1999 — R. BLUST. Subgrouping, circularity and extinction: Some issues in Austronesian comparative linguistics // *Selected Papers from the Eighth International Conference on Austronesian Linguistics*. Ed. by E. ZEITOUN and P. JEN-KUEI LI. Taipei.
- EDAL — S. STAROSTIN, A. DYBO, O. MUDRAK. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Vol. 1—3, Leiden 2003.
- Ramstedt 1950 — G.J. RAMSTEDT. *Studies in Korean Etymology*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Sagart 2004 — Laurent SAGART. The higher phylogeny of Austronesian and the position of Tai-Kadai // *Oceanic Linguistics* 43: 411—444